

Текст · 3 февраля 2019, 08:13

Анна КозкинаДарья ГуськоваАнастасия ЯсеницкаяЮля РомашоваМаксим Литаврин,

«Один раз ударил меня током, а потом дал мне мандаринку». Задержанные по делу о взрывчатке в Балашихе рассказывают, как их допрашивали

Первым о задержании 25-летнего аспиранта механико-математического факультета МГУ Азата Мифтахова 1 февраля [сообщил](#) РЕН ТВ. Телеканал называл его членом «леворадикальной ячейки анархистов "Народная самооборона"» и утверждал, что Мифтахов признался в изготовлении «кисы», перекиси ацетона — взрывчатого вещества.

«Интерфакс» [уточнял](#), что аспиранта задержали в комнате общежития на Ленинских горах по подозрению в изготовлении взрывчатки, которая была найдена в подмосковной Балашихе 11 января.

Кроме того, РЕН передавал, что 17 января Мифтахов якобы вынес из своей комнаты в общежитии пластиковую банку и электропровода и оставил их в неких местах общего пользования. После этого в его комнате прошел обыск; по данным телеканала, силовики нашли анархистскую литературу, бронежилеты, рации, банку с алюминиевой пудрой и «остатки порошка с признаками взрывчатого вещества». Сам аспирант [рассказывал](#), что обыск прошел 18 января в его отсутствие.

За два дня до этого телеграм-канал «Опер слил» публиковал фотографию паспорта Мифтахова с угрозами: «Мы же тебя предупреждали — прекращай заниматься ерундой». Анонимный автор передавал «привет из Нижнего Новгорода онанистам из Народной самообороны». «Главное не взрывайся, а-та-та!» — заканчивалось сообщение.

Днем 1 февраля адвокаты Мифтахова нашли его в балашихинском УВД, но защитников к нему не пустили, уверяя, что его там нет. Уже поздно вечером юрист Роман Устинов видел, как человека с синяками на лице, похожего на Мифтахова, выводят из отдела.

Только вечером 2 февраля о задержании Мифтахова официально уведомили его адвоката Светлану Сидоркину. Следовательница сказала ей, что молодой человек якобы был задержан 2 февраля в 19:00 и находится в балашихинском ИВС.

Согласно постановлениям об обыске и протоколу допроса одной из задержанных, дело расследует МУ МВД «Балашихинское». В документах говорится, что 11 января 2018 года в Балашихе в лесу недалеко от улицы Владимирская нашли взрывное устройство. Затем из отдела уголовного розыска местной полиции поступил рапорт о причастности к этому инциденту Мифтахова. Другие детали не приводятся. Об обнаружении похожего устройства в том же районе 12 января прошлого года писало издание «Политпазл».

Всего 1 февраля силовики приходили по пяти адресам. Кроме аспиранта-математика, задержали шестерых активистов антирейдерского движения,

троих жильцов квартиры в Перово и еще двух человек, в числе которых Даниил Галкин. Последний — единственный, рассказавший о пытках после задержания. «Медиазона» поговорила с ним и другими задержанными.

Электрошокер и сотрудничество. «Ты будешь внедряться в антифашистскую тусовку и доносить»

Даниил Галкин

Ко мне пришли ближе к шести [утра]. Тетя говорит: «Даня, тут полиция. У них ростовой щит и автоматы». Далее последовал ее вопрос: «Что вам, собственно, надо?». На что ответили: «Откройте дверь, иначе мы будем ее ломать». Она сказала: «Предъявите документы». Я остановил [ее], говорю: «Хорошо, открываем дверь». Тете сказали отойти. Они кричали: «Где он? Где он?». Потом мне сказали лежать.

РЕН ТВ и НТВ публиковали видео обыска, произведенного якобы у Мифтахова. В действительности это кадры из квартиры Даниила Галкина. На записи видно, как отряд вооруженных спецназовцев врывается в квартиру его тети и ее мужа, где на тот момент находился и сам Даниил.

Заходит человек в маске. Их было двое в штатском в масках. Говорит: «Что, ты меня помнишь?». Я говорю, что нет. Он говорит: «Ну, ты летом со мной слишком дерзко разговаривал». Что произошло летом: мы гуляли с друзьями в парке, и там какая-то спецоперация, нас вязали. Нас повезли в отделение, поугали, кричали: «Где человек с пакетом?». Позже

на телеграм-канале «Опер слил» они сказали, что человек с пакетом, [в котором лежал баннер] — это был Азат Мифтахов.

Что было дальше. Они провели обыск. Мужчина в пальто и в маске начал задавать вопросы: «Ты знаешь, почему мы здесь? Азат Мифтахов — тебе говорит о чем-то это имя?». Я говорю: «Нет, я не знаю, кто это». Он говорит: «Народная самооборона?». Я говорю: «Ну, что-то видел в интернете, какой-то социальный проект». Он сказал, что мы еще поговорим, и подмигнул. Я уже тогда заподозрил, что меня будут пытаться.

Мне надели наручники, скрутили. Мы вышли из подъезда. Там был [черный] минибусик. Открывается дверочка, там три сиденья и сзади них еще, по-моему, сиденья или что-то еще, я не помню точно. Я хочу сесть, мне говорят: «Ты че, сука, ***** [офигел]? Ложись быстро». Меня кидают на пол, под сиденье, сверху садятся оперативники, кладут на меня ноги. Один положил свой кроссовок мне на лицо. Ехали минут пять. Один сказал: «Ну, я тебе обещал». И они наносят мне удары электрошоком. Били не быстро — один держал мою ногу, а второй секунды три или четыре прикладывал электрошокер к ногам, икрам, ближе к паховой части. А в это время другой оперативник тянул мои руки — то есть они были у меня за спиной, и они всю дорогу, где-то два с половиной часа, мне тянули руки. То есть как ласточка.

Человек, который меня пытал, был очень большой, плотненький, у него были джинсы, туфли, была какая-то сиреневая кофта или майка. У него был

какой-то тактический пояс на этой майке и было коротенькое пальтишко и была надета маска такая, что нос... Ну, она такая более выпуклая такая была, интересная. Тот, который «помнишь меня», наоборот. Он, как я понял, один раз ударил меня током. А потом дал мне мандаринку [в отделе] и вообще старался вести себя тактично.

Во второй половине часа толстенький дяденька сказал, что снимет с меня штаны и засунет электрошокер в мой анус. Он начал снимать штаны и рядом я чувствовал, как он стучит [электрошокером]. Это было в машине, пока мы ехали. [Пытался напугать], да.

Задавали вопросы, знаю ли Азата Мифтахова, отношусь ли я к «Народной самообороне». Знал ли я, что у него две бомбы, знал ли я, что он хочет взорвать какие-то мануфактурные объекты, вербовал ли он меня. Когда после 40 [минут] — часа езды я говорю, что нет, у меня уже началась истерика, я кричал. Они сказали, что ты будешь писать в протоколе свидетеля, нам нужен он, но если ты не будешь сотрудничать, то ты тоже пойдешь.

После, наверное, двух часов я уже был готов как бы делать все, что они мне скажут. Еще минут через 30 мы приехали в Балашиху. Мне сказали, что я должен написать, что я его знал, что я с ним контактировал, что мы с ним проводили акции — вывешивание баннеров, листовки и так далее. Плюс они мне говорили: «Назовите людей, как они представлялись на акциях», — по их мнению, мы не вдвоем их с Азатом вывешивали. Я называл абсолютно вымышленные

псевдонимы, абсолютно вымышленные факты. Я это говорил, чтобы меня не били. [В показаниях] описывалось, что мы встречались с ним, делали дело, он мне не доверял, я обычно стоял на шухере. В последний раз я видел его в декабре, мы сходили на развеску баннера, и он пропал.

Неофициально, как я понял, спрашивали меня про такие структуры в Москве, как *Angry Youth*, концерты и соревнования «Не сдавайся» антифашистского характера, клуб «Молодая кровь», который проводит турниры и тренировки для антирасистов и антифашистов в Москве. Они спрашивали, кто за этим стоит и так далее. Я боялся, что меня будут бить снова, поэтому говорил абсолютно выдуманные прозвища и имена.

Я слышал, что кто-то упал, выбежал полицейский, сказал: «***** [черт], он вскрылся, он, наверное, симулянт». Потом вроде приехали врачи. Потом меня отвели в комнату, где был еще один оперативник. Он сказал, что приедет «Первый канал», и если ты не хочешь повторения ситуации в машине, ты должен сказать, что осуждаешь действия Азата, что терроризм — это плохо. Мне сказали, чтобы я как мог дискредитировал движение анархистов в России. Я проговорил то, что они мне говорили. Со мной сидел журналист с микрофоном, были камеры, но в интернете я пока свое интервью не видел.

После этого пришел еще один человек, сказал: «Ты сейчас идешь как свидетель, но мы можем причинить проблемы твоей семье, твоей тете, твоему брату, можем причинить вред тебе, ты можешь сесть, ты

можешь оттуда не выйти, ты можешь попасть в то место, которое мы захотим, там сделают с тобой все, что захотят. Ты будешь с нами сотрудничать, внедряться в антифашистскую тусовку и будешь доносить информацию, которую мы от тебя хотим. Ты будешь выполнять наши задачи. Мы будем встречаться с тобой раз в неделю». Мне дали номер, сказали найти сим-карту и телефон и отписать на этот номер. Мне было очень страшно, я сказал: «Да, хорошо».

Даниил Галкин. Фото: личный архив

Они засняли на видео, как я пишу, что «я, Галкин Даниил Владимирович, обязуюсь сотрудничать со следствием». Ну, не так... Я не помню, как точно было. В конце я расписался, и надо было избрать псевдоним, я выбрал первое попавшееся имя — Агата. Я еще раз это повторил на камеру. Они сказали, что если я буду морозиться и их кидать, они сольют это в мою тусовку, где меня посадят на нож.

Потом пришел другой человек, он был в маске, а потом ее снял. Он говорил очень четко, очень выразительно — было видно, что человек опытный, мне он почему-то внушал страх. Он был смугленький, маленького роста, ну, наверное, метр семьдесят. Он был одет в тактическую синюю куртку, в кепке, ну, балаклаву он опустил. На вид лет 40, может. Он сказал: «То, что с тобой сделали в машине — это еще фигня. Ты меня сейчас выслушаешь, если ты плохо будешь делать, то поеду с тобой в машине я». А до этого меня выводили, заводили в ту комнату на пятом этаже в самом конце. Этот человек, который со

мной говорил, он [там] держал Азата полусогнутым, прижатым за шею или скулу лицом к стене, и я видел реально, что Азат стоит, дрожит, дергается, он весь в поту. Он ему говорил: «Не смотри, сука, ты чего смотришь».

Этот человек сказал [мне]: «Ты понимаешь, с кем ты имеешь дело?». Я предположил, что с Центром «Э». Он сказал: «Мне вообще ***** [пофиг] на твои баннера, на то-се, мне вообще это до сраки, но тут две бомбы». Я задаю вопрос — ФСБ? Он кивает головой. Говорит: «С такими, как мы, можно дружить, мы, если что, тебе и нальем, и денежку дадим, и с учебой поможем, и все у тебя будет хорошо». И попросил он меня добавить в допросе, что на вывешивание баннера Азат принес самодельные фаера и поджег. Также он сказал, что надо добавить, что Азат говорил мне, что он является коммунистом. Я старался, когда вели допрос, как-то не максимально усугублять его ситуацию.

После того, как первый раз написали протокол, человек в пальто подправлял там незначительные факты, которые вносили улучшающую ситуацию в мою сторону — например, он правил не «идеология», а «отношение». Потом он сказал: «Видишь, ***** [блин], ***** [зашибись], мы сработались, я тебе помогаю, все нормально». Потом я рассказал все то же самое следователю.

Меня отвели в коридор, справа у балкона стоял «Первый канал», а слева в этой комнате или рядом с ней была дверка. Доносились звуки шокера, причем очень громкие, и крики девушки. Потом ко мне подошел фээсбэшник, пожал мне руку и сказал, что

«мы накажем этих уродов», подарил мне аэрозольный баллон «Факел», мне дали деньги [на дорогу] домой, 200 рублей, и меня отпустили.

Мне очень страшно за свою жизнь, я очень боюсь, что после этой огласки что-то случится с тетей или братом — он сейчас служит в армии. Я считаю, что это сфабрикованное политическое дело против анархистов России, и так же, как и «Сеть» — это все, я думаю, в дальнейшем будет основываться на показаниях, которые выбиты пытками. Я не могу сказать, что у человека в голове и так далее. Какие-то бомбы они нашли. Я не знаю.

Я думаю, пока идет следствие, связан ли я с «Народной самообороной» или не связан — это некорректный вопрос, также некорректный вопрос, знал я Азата или не знал Азата. Просто это может быть использовано против меня в дальнейшем.

Я буду озвучивать, афишировать эти факты, как только могу, через все возможные порталы и ресурсы, приложу все силы, чтобы это показать. Я очень плохо сплю. Я сплю и мне кажется, что за мной придут, выбьют дверь и увезут куда-нибудь в лес, потому что в России это практикуется с людьми, активистами.

Аэропорт. «Он как-то с этой квартирой связан, что-то делал тут»

Рано утром 1 февраля с обыском пришли в квартиру в московском районе Аэропорт, где дежурили шестеро активистов антирейдерского движения: Максим Некрасов, Илья Губский, Леонид Микляев, Анна Макаревич, Камила Канцерова и Екатерина Березина. По их данным, хозяйке квартиры угрожают

злоумышленники, которые пытаются завладеть ее жилплощадью; молодые люди говорят, что хотели защитить женщину.

Один из пришедших с обыском силовиков показал удостоверение на имя Михаила Петухова, но его должность активисты не запомнили. В постановлении на обыск он указан как сотрудник полиции. В результате обыска из квартиры изъяли все телефоны и ноутбуки, а активистов отвезли в ОВД «Сокол». Там их опросили, у них сняли отпечатки пальцев. Активисты не знают точно, представители какого ведомства их опрашивали — МВД или ФСБ. Один из работников ОВД в неформальной беседе с задержанными называл людей, которые их сопровождали, сотрудниками ФСБ. Активистов отпустили, не выдав им на руки никаких других документов, кроме постановления об обыске.

Максим Некрасов

Просыпаемся, долбят в дверь. Начинают выносить, не знаю, кувалдой, чем-то очень жестко — у двери вылетают засовы. Видим, что это автоматы, что это люди в какой-то форме спецназовской, мы понимаем, что это не рейдеры, руки подняли, легли. Четыре человека в масках и четыре без масок. Они зашли в квартиру и начали обыск.

Они говорили нам что-то про Балашиху, мол, какой-то взрыв в Балашихе, они как-то к этой Балашихе привязаны. Говорили, что ищут взрывчатое вещество. Мол, вы знаете там какие-то фамилии? Мы говорим: нет, не знаем.

[В отделе полиции] они в основном спрашивали про этого Азата. Мы знать не знаем, кто это такой. Каких-то людей фотографии, которые нам тоже незнакомы, показывали. Как он мне со своих слов объяснял, некий человек то ли совершил, то ли готовил что-то со взрывом связанное, то ли хотел. Они говорят, он как-то с этой квартирой связан, что-то делал тут.

Илья Губский

Я шел с ночной смены утром. Когда я поднялся на этаж, меня встретили сотрудники. Они спросили, иду ли я в такую-то квартиру. Я сказал: «Нет», — потому что не знал, кто это. Они сказали: «Ну, пошли с нами». Завели меня в тамбур, там поставили меня головой к стене, руки за голову, ноги на ширине плеч. Потом они выяснили, что я все-таки иду в эту квартиру, сказали: «Че ты мне врешь?» — и два-три раза ударили меня электрошокером. Еще один из людей в маске ударил меня в солнечное сплетение, и несколько раз меня несильно пнули. [В ОВД] нас вначале по очереди приглашали в кабинет разговаривать, как я понимаю, с сотрудником ФСБ. Меня спрашивали, связан ли я как-то с анархической деятельностью. На что я сказал, что не связан.

Люберцы. «Вину он не признавал до моего отъезда»

Тем же утром в Люберцах силовики пришли домой к активистке Елене Горбань, против которой год назад возбудили дело о вандализме (часть 1 статьи 214 УК) за акцию у офиса «Единой России» в московском районе Ховрино — тогда неизвестные разбили окно и внутрь бросили дымовую шашку. После обыска девушку отвезли в УВД Балашихи. Там она провела несколько

часов, ожидая допроса. Горбань успела пообщаться с Мифтаховым. После допроса ее отпустили из отдела полиции в статусе свидетеля.

Елена Горбань

Это был такой формальный обыск. Скорее, они хотели изъять телефон и компьютер. У меня изъяли два жестких диска и два телефона. Там были полицейские, но они давали понять, что все приказы выполняют, [поступающие из] ФСБ.

Потом меня увезли в Балашиху часам к девяти. Где-то минут через 30 привели Азата. До этого его никто не пытал, при мне его тоже не пытали. Он пытался вскрыть вены — это при мне было. Он еще сказал потом, что таблеток наглотался. Я требовала, чтобы вызвали скорую. Мне сказали, что вызвали, но пришли два врача и просто замотали руку. Он потом еще долго лежал на полу. Один раз [силовики] на него наступили, пару раз довольно сильно пнули. Потом его перетащили куда-то в другое место. Я все время про него спрашивала, где-то после трех мне разрешили к нему подойти. Я с ним посидела, а дальше мой адвокат пришел.

Единственное, что я поняла, что пыток не было. Он только их очень боялся. Видимо, они хотели тогда психологически еще [воздействовать]. Вину он не признавал до моего отъезда. Он мне сказал, что ничего не собирал, не готовил. И я ему верю.

Там еще сидели трое ребят из квартиры в Перово. У меня создалось впечатление, что они совершенно случайно попали... В неудачное время, в общем,

переночевали в той квартире; они вроде бы Азата не знали.

Мой адвокат к четверем приехал, тогда я пошла на допрос. Вопросы были общего характера. Знакома ли я с Азатом, был ли у него интерес к взрывчатке. Это минут пять–десять длилось. Я думаю, я легко отделалась, потому что была с адвокатом со своим.

Там еще был Галкин, как я поняла, но я его не видела, его видели ребята из Перово. Его раньше всех куда-то отвели, я не знаю — допрашивали, не допрашивали — потому что следователя-то еще не было. Не знаю, кто там где с ним разговаривал.

Перово. «Чувак, давай ты сейчас напишешь донос»

Квартиру в районе Перово, куда тоже пришли с обыском, снимают трое молодых людей — Виктория Захваткина, Алексей Секиров и гражданин Белоруссии по имени Александр, который отказался назвать свою фамилию. Силовики сказали им, что в результате наружного наблюдения за Мифтаховым установлено, будто бы он провел в их квартире несколько дней. Сами Захваткина, Секиров и Александр это отрицают.

Их доставляли в полицию Балашихи — там задержанные тоже видели Мифтахова. Захваткиной он рассказал о побоях и угрозах сексуальным насилием. После опроса следовательница отпустила всех троих. Молодые люди отмечают, что слышали, как кричит Елена Горбань, требуя вызвать скорую; других женских криков они в отделе не слышали.

Азат Мифтахов. Фото: личный архив

Александр

В момент обыска [в квартире] только остались люди в штатском и двое понятых. Я так понимаю, там находились опера из уголовного розыска. Мы их вообще не интересовали. Они искали хозяина квартиры. Нам показали постановление об обыске, что у нас ищут СВУ. Обыск довольно поверхностный был, некоторые вещи вообще не проверяли. У нас изъяли ноутбук, у меня три телефона изъяли, у Вики и у Леши изъяли по телефону, флешку и пару книг. Спрашивали про Азата. Мы сказали, что не знаем этого человека. После этого нас погрузили в машины и повезли в уголовный розыск Балашихи.

На последний этаж нас отвели, у них коридор большой с кабинетами, и нас посадили в конец коридора. С нами никто не сидел, мы вот так втроем сидели. В какой-то момент привели парня с татуировками (Галкина — МЗ). Его в наручниках привели. По одежде было видно, что его валили где-то на землю. Он слегка помятый был. Потом наручники с него сняли. Нас спрашивали, знаем ли мы друг друга. Никто, естественно, не знает никого. Его спрашивали, знает ли он Азата (Виктория уточняет, что Галкин ответил утвердительно — МЗ). Его увели отдельно в кабинет.

Потом девочка Лена (Горбань — МЗ) появилась и привели Азата. В один из моментов Азат пытался себе руки порезать, он упал на пол. Мы видели вдали все это происходящее. Он какое-то время лежал на полу, ему помощь не оказывали. Лена бегала по коридору,

просила, чтобы вызвали скорую. Его потом подняли, он немножко оклемался.

По словам одной из задержанных в Перово Виктории Захваткиной, порезать руки Азату могла Горбань: «Лена смогла добежать до Азата и чем-то порезать ему руки... Правда, не помню, чем. Они находились примерно в метре друг от друга, он сидел на стуле, она сидела на другом стуле. Они были окружены сотрудниками полиции. Она успела вырваться, у нее был рюкзак, она что-то из портфеля достала. Может, они как-то переглядывались, потому что мы не видели этот момент». Вскоре после инцидента Мифтахова увели в актовый зал.

Пришли фээсбэшники, начали спрашивать, кто мы, что мы. Один из них говорит: «Я из ФСБ и специализируюсь на антитеррористической деятельности». Периодически еще другие заходили. Там был один какой-то чувак, он в черном камуфляже был и в маске. Он был только, когда привели вот этого парня в наручниках. И все, он потом исчез.

Тот, который представился «я из ФСБ», начал пробивать нас. Он знал, что я из Беларуси, сказал: «Я тебя сейчас пробиваю по базам КГБ. И если на тебя что-то будет, то готовься, на депортацию как минимум поедешь». Повели меня в отдельный кабинет.

Я когда сидел в кабинете один, ко мне зашли репортеры [«Первого канала»]. Я лицо закрыл рукой. Они стали вопросы задавать, я либо отказывался отвечать, либо фигню отстраненную говорил.

Спустя какое-то время пришли фээсбэшники, начали спрашивать, знаю ли я Азата. Я все время твердил, что я этого человека вообще первый раз вижу. В один момент фээсбэшники сказали: «Блин, чувак, ты фигню какую-то загоняешь, мы конкретно знаем, что он был там на этой хате, и мы знаем про другие хаты, за ним была наружка все это время, начиная от 18-го числа, когда он скрылся из общаги. Мы все время его пасли и не просто так его не задерживали, а хотели весь круг пробить, куда он пойдет, что будет делать». Они конкретные даты назвали, когда он въехал и когда он выехал от нас. Они назвали даты с 22-го по 27-е число.

Они считали, что я член «Народной самообороны», и говорили: «Признайся, что ты состоишь в ней». Все эти вопросы задавались, наверное, раз сто, если не больше.

В какой-то момент они отвели меня в актовый зал — чтобы я подтвердил, что это Азат, я сказал, что я его не знаю. Он там сидел с двумя сотрудниками полиции. Когда его спросили, знает ли он меня, он отказался от комментариев, ничего не сказал, и меня обратно увели. Было видно, что он эмоционально... Он не сломлен был, но видно, что подавлен. Было видно, что ему довольно-таки несладко уже.

Меня обратно отвели, и со мной какой-то уже другой фээсбэшник такую игру вел — то хороший, то плохой.

Спустя какое-то время он говорит: «Чувак, давай ты сейчас напишешь донос на Азата, что он у тебя был, ты его знаешь, ты видел, как он СВУ собирает, либо он тебе говорил об этом. Мы тебя отпускаем, оставляем жить в Москве, тебя никто не будет трогать больше». Я от этого отказался. Они это еще несколько раз предлагали — и на этом все, они уже ничего этого не говорили.

Примерно в часов восемь ушли сотрудники уголовного розыска. Я еще где-то час просидел, и потом из соседнего кабинета вышли остальные сотрудники — там кто-то из ФСБ и еще какие-то. Было видно, что они собирались уже и просто меня выпустили. Я в конце увидел чувака из ФСБ, который изначально был. Он мне такой говорит: «Не волнуйся, все нормально, можешь оставаться на Перово. Вы нам не нужны вообще». Они изначально еще говорили нам периодически: «Вы просто по сути под гребенку вот так попали».

Виктория Захваткина

Меня вызвали уже в шесть часов. Допрос длился, наверное, минут 15 от силы. Спрашивали, знаю ли я Азата, как оказалась в квартире и кем мне является Саша. Примерно такие вопросы. На руки вообще ничего не выдавали. Нас называли свидетелями.

Меня отвели обратно в ту комнату. Потом привели Азата, сказали: «Посиди здесь». Периодически приходили, оскорбляли его: «Ты террорист, ужасный человек». Он спросил мое имя и начал со мной диалог, спрашивал, что о нем говорили полицейские, которые с нами находились, какую-то информацию.

Он просил сообщить медиа, что когда его задержали, полицейские уточняли о схроне, то есть, это получается «нычка» по-другому. Они предполагали, что он хотел в Балашихе взорвать газовые трубы в лесу. Он был в подавленном состоянии, чуть ли не плакал.

Потом привели Лену. У Елены допрос закончился, она быстренько забежала в это помещение, обняла его и сказала, что все будет хорошо, она вызовет ему адвоката. Потом их разлучили прямо уже насильно.

Он сказал, что его били, и показал увечья. Его шуроповертом тыкали и угрожали, что будут запихивать что-то в задний проход. Не током, а какие-то посторонние предметы. [На теле] был такой красный кружочек, ссадина. Он похож на выстрел. Как будто в него стреляли. Такой кружочек. И какие-то царапинки. [Потом] его отвели в другое помещение, и уже на опознание приводили Александра.